

Геннадий Пискарев

ПО ОСТРИЮ ЛЕЗВИЯ

НРАВСТВЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Геннадий Александрович Пискарев

По острию лезвия.

Нравственно- публицистический очерк

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24725735

*Геннадий Пискарев. По острию лезвия: ПРОБЕЛ-2000; Москва; 2009
ISBN 978-5-98604-153-7*

Аннотация

Добро и зло, грех и добродетель, красота и уродство – антиподы. Но грань между ними в земной человеческой жизни нередко оказывается стёртой. Умение сделать правильный выбор, уйти от греховных соблазнов и обрести духовную свободу в такой ситуации – всё равно, что пройти по острию лезвия. Преодолеть опасный путь и обрести чёткое представление о том, что составляет истинный смысл бытия, – нравственный долг верующего человека. Как исполняют нелёгкое предназначение оказавшиеся в эпицентре вероломных событий времени фигуранты этой книги, и составляет основное содержание её.

Содержание

В начале было слово	5
От автора	7
Часть I	10
Прекрасней песни материнской нет	11
Я видел праздник	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

**Геннадий Александрович
Пискарёв
По острию лезвия**

© Пискарёв Г.А., 2009

* * *

В начале было слово

А. Арсамаков (на снимке справа):

– Доисторический, библейский хаос остановило созидание.

Г. Пискарёв (на фото слева):

– Божественное созидание.

А. Арсамаков:

– Не на спекулятивных финансовых барышах расцветают и крепнут народы, а в поте лица добывая свой хлеб.

Г. Пискарёв:

– Нетрудовое золото-серебро ведёт к упадку промышленности и земледелия, обогащает несправедливую верхушку и

убивает народ.

*Беспамятство живёт в народах,
Предавших вечные святыни.
Запутавшись в своих свободах,
Они останутся пустыми.*

От автора

Говорят, что каждый нормальный человек способен написать хотя бы одну приличную книгу, если главным её героем сделает самого себя. Но настоящим художником становится он всё же только после следующей книги – книги о других.

Всю жизнь я творил свои произведения на основе судеб других людей. И не скажу, что было это для меня очень сложным мероприятием. Возможно, действовал я, как та незадачливая няня, которой следить за чужим ребёнком гораздо легче, чем за собственным. А может быть, писать о себе всё-таки не так-то и просто. Если, конечно, быть при этом предельно искренним.

Дорогой читатель (надеюсь, вдумчивый и добросердный), предлагаемая твоему вниманию книга – как раз и есть следствие осуществления этого смелого намерения. В некоторой, правда, степени. Ибо эта книга ещё и попытка разобраться в духовном состоянии очень близкого мне неординарного человека, как и я, выходца из гущи народной и волею судеб оказавшегося в стане современной элиты. В данном случае – финансовой.

Сюжетом книги – банкир. А, стало быть, как бы не воспринималась в обществе его профессиональная сущность, он является в полной мере героем нашего времени.

Некогда, осмысливая реалии происшедших в стране пе-

ремен, я публично высказывал идею создания серии книг об истории возникновения и развития значимых для новой России предприятий, в том числе и банков. Ничего особенного тут нет. Ещё Максим Горький, творчество которого после забвения в начале перестроечных лет вновь становится востребованным, осуществлял подобное на примере советских заводов, колхозов, совхозов.

Московский индустриальный банк, президентом коего и является мой визави, первым ухватился за эту мысль, реализовав её в печатном труде, выпущенном к собственному 15-летию юбилею. Этот трактат – объёмный, интересный с точки зрения банковских специалистов, вполне бы мог стать и знаковым событием в культурной жизни страны, если бы... Но не здесь говорить об этих «если бы».

Ныне банк отмечает уже своё двадцатилетие. И моя книга, выходящая в год этого славного юбилея – книга частного лица, есть своеобразное приложение к вышеозначенному труду. И она же есть своеобразный тост за человека, одухотворяющего деятельность одного из крупнейших финансовых предприятий страны.

Общее название книги, вынесенное на обложку, достаточно провоцирующее – «По острию лезвия». Так же называется вторая часть книги, посвящённая в основном рассказу о деятельности организации, которая тоже отмечает славный юбилей и с коей банку ой как приходилось контактировать. Организация эта – издание Администрации Президента Рос-

сии «Президентский контроль».

Контроль – действие острое. Соприкасаться с ним, и впрямь ходить по лезвию ножа. Но не только. А что? Читайте книгу и вы узнаете об этом. И о многом другом. В частности, о том, что и сама работа как в банке, так и в весьма специфическом издании – постоянное нахождение в нелёгкой колюще-режущей атмосфере.

Таково наше время. Такова наша участь. Сумеем преодолеть коварство нечестивых людей и подвохи вероломной эпохи, сумеем достойно отреагировать на её вызовы – будем жить.

Так будем же жить!

Геннадий Пискарёв

Часть I

Когда всплывают подводные камни

Не могу сказать, что у меня среди банкиров много знакомых. А если быть совсем точным, так всего один, Абубакар Арсамаков.

Не вдаваясь в профессиональные тонкости, скажу большое спасибо Бакару за то, что он умеет по-человечески помнить добро и платить за него добром. По-моему это и есть лучшая на свете валюта. Так что всем банкирам есть на кого равняться.

Виктор Кожемяко, обозреватель «Правды»

*Фортуны друг и брат Саида¹,
Бакар, ты духа не терял
И все премудрости Эвклида
В простейший рубль переплавлял!
С судьбой не затевая ссоры,
Ты от крушенья род свой спас.
И покорил златые горы,
Любя по-прежнему Кавказ.*

**Виктор Злобин, консультант «Президентского
контроля»**

¹ Саид Лорсанукаев, публицист, чеченец, гневный обличитель ельцинизма и дудаизма.

Прекрасней песни материнской нет

*Под шумным вращением общественных колес
таится неслышимое движение нравственной
пружины, от которой зависит всё.*

Иван Киреевский

Моя бабушка, неграмотная костромская крестьянка Варвара Ивановна, рассказывала мне в детстве всего одну сказку, которую только и знала, — про горошинку — особь в ее интерпретации сильную, но безоглядную. Пустившая корни в полутемном подвале горошинка эта в собственном стремлении к свету пробивает пол, потолок и крышу дома. Вырвавшись на волю, она стремительно тянется вверх, к солнцу, но лишенная опоры и поддержки себе подобных быстро «израстается» и падает безжизненной плетью на землю.

Еще бабушка знала и пересказывала в назидание притчу о воре-разбойнике, кончающем дни свои на каторге с осознанием ужасающего прозрения, что его погубил... пятак — никчемная медная монетка, выкрадкая им незамечено в раннем детстве из отцовского кошелька.

Врезанные, как алмазом, в непорочную душу эти незатейливые вроде бы бабушкины рассказы стали для меня со временем, обретая чуть ли не библейскую концентрацию и глубину философской мысли, своеобразным катехизисом, поистине золотым ключом, гораздо высшей пробы, чем что-

либо, в понимании проявлений человеческой сути на пути божественного промысла.

Наверное, нечто подобное произошло, как мне кажется, и с человеком яркой и неординарной судьбы, о котором мне давно хочется рассказать с позиций глубоко заложенной, на генном уровне общечеловеческой морали; с позиций коренных, истинных привязанностей, что предопределяют мотивацию наших праведных поступков и действий.

Мне трудно судить о поре становления моего героя, родившегося в глухом горном ауле, но я представляю, сколь суров и бескомпромиссен должен быть климат взаимоотношений между людьми, где каждый шаг, обеспечивающий удовлетворение жизненных потребностей, сопряжен с риском и нелегким трудом. Но для меня стало поистине открытием, что в тяжелой повседневной работе, в горниле тех испытаний, что выпали на долю народа, частью которого является мой визави, народ этот в основе своей девственно чист и необыкновенно духовен.

В одном из театров страны готовится к постановке пьеса. Есть там такая сцена: горец-старик и молодой паренек, его сын, отдыхают после работы. Ночь, звучит музыка романса на стихи М.Ю. Лермонтова «В небесах торжественно и чудно, спит земля в сиянье голубом». Между сыном и отцом идет неспешная беседа: «Вот видишь, сынок, – говорит старик, – небо над головой. Большое, красивое, недостижимое. Такое же небо есть и в наших душах». Мальчик насторажи-

вается: «А разве мало одного неба – там, наверху?» – «Ах, сын мой, – укоризненно улыбается отец, – да если не будет неба в твоей душе, ты не увидишь его и над головой».

Потрясающе. Кстати, постановку драмы осуществляет ученик гениального Товстоногова, а спонсирует ее тот, кто когда-то с помощью отца, земледельца, открыл для себя святую истину: «Царство Божие – внутри нас»; открыл великую благодать от осознания себя человеком, почитающим предков своих, уходящих корнями к единым прародителям – Адаму и Еве, сотворенных Всевышним, благодать от любви к земле, которую нам оставили в наследство, в надежде, что мы ее сохраним, наши отцы и деды, благодать от чувства не растерянной совести и душевной свободы. И я вижу белоколонный, расписанный золотом дворец, царский Таврический дворец в Санкт-Петербурге, ковровую дорожку к высокой трибуне и человека, вещающего с нее перед собравшимися на международный экономический форум нечто совсем иное, что хотели бы слышать сейчас от него сильные мира сего – он говорит о горькой беде России, что ожидает ее при не продуманном до конца вступлении в ВТО.

Найдутся «эксперты», что назовут поступок сей безрассудным, кое-кто – проявлением особого мужества, сам же оракул – озарением, благодатью, логическим завершением понимания основ бытия, которые разъяснил ему, завещая горы и небо, отец. Разъяснил не на ковровой, а на кремнистой дорожке.

С Абубакаром Алазовичем Арсамаковым – президентом Московского индустриального банка (это о нем веду разговор) свела меня судьба задолго до того, как стал он крупнейшим в нашей стране финансистом. И в этом не вижу ничего удивительного: мы познакомились и сошлись с ним в бытность моей работы в газете «Сельская жизнь» на почве единого социального происхождения – из крестьян, он чеченских, я русских, на почве глубокого уважения к людям, выковавших за свою многовековую историю независимо от национальности и религиозных воззрений такие близкие для всех поведенческие устои. Нет, не зря называла крестьян русская императрица Екатерина Великая первейшими и необходимейшими людьми в государстве, а английский писатель Сомерсет Моэм, положивший немало сил на алтарь изображения судеб представителей общественной элиты, подводя итоги своей многолетней деятельности, признался, что самой замечательной представляется ему жизнь земледельца, который пашет поле и собирает урожай, находя отраду в труде и в досуге, любит, женится, растит детей и умирает – это радости и горести, присущие всему человечеству, это совершенная жизнь в ее совершенном осуществлении.

Мы часто собирались тогда у Бакара в его тесной комнатухе коммунальной квартиры на Шаболовке, где он жил с женой Майей и с двумя ребятишками (вскоре их будет четверо), немножко кутили, много хохмили и без зазрения со-

вести наслаждались кавказским гостеприимством. Что касается меня, так я еще, видимо, инстинктивно чувствовал крепость среды, в которой находился Бакар, крепость, исходящую от поддержки многочисленной надежной родни. Меня подспудно тянуло к этому прочному причалу, меня, к тому времени «изросшегося» на чужой стороне – подобно бабушкиной горошинке. Но заряженный идеями не паритета, как это следовало бы, а приоритета общественного над личным, чем меня в избытке напичкали «сладкозвучные сирены» из Высшей партийной школы при ЦК КПСС, которую неплохо закончил некогда, я все больше и больше забывал о значении первоначального капитала, благодаря коему та же бабушка моя, оставшись вдовой в двадцать восемь лет с четырьмя малолетками на руках, без копейки достроила огромный, с шестью окнами по фасаду, заложенный дедом дом. Помог нравственный или, как говорю я, первоначальный капитал – братская взаимовыручка, великую спасительную роль которой мой друг чеченец усвоил, вероятно, лучше меня.

Хитрее ли был Бакар, или мудрее, не скажу, но догадываюсь, то, что представлялось мне целью (служба призрачному идеалу), для него было, пожалуй, всего лишь средством для достижения реального, осязаемого результата. Догадываюсь, что в этом кроется и некоторая разница в наших менталитетах: нас, русских людей, увлекающих, что называется, нередко заносит, их – чеченцев, представителей созерцательного Востока, при всей горячности крови и поэтично-

сти природы, что-то всегда прочно держит на земле. Это сказалось, видимо, и на вере наших народов. Их Мухаммед – пророк, реальный осязаемый человек, наш Христос – Сын Божий, Бог.

С юмором, гениально, тонко, но и любовно отразил своеобразие восточного менталитета Александр Сергеевич Пушкин в незабвенном «Путешествии в Азрум». Помните приветствие одного из пашей, обращенное к Александру Сергеевичу:

– Благословен час, когда встречаем поэта. Поэт брат дервишу. Он не имеет благ земных; и между тем как мы, бедные, заботимся о славе, о власти, о сокровищах, он стоит наравне с властелинами земли и ему поклоняются.

Каково, а? Дальше еще лучше. «Выходя из палатки, – пишет Пушкин, – увидел я молодого человека, полунагого, в бараньей шапке, с дубиною в руке и с мехом (*outré*) за плечами. Он кричал во все горло. Мне сказали, что это был брат мой, дервиш, пришедший приветствовать победителей. Его насилиу отогнали...»

Вот так-то. Теперь я понимаю, почему Бакар, когда рухнула советская система, которой мы оба, казалось бы, верно служили (он в ту пору – в Госбанке, я в контрольных органах страны), не был раздавлен жерновами реформ. Он сохранил свою Итаку, где иерархия ценностей осталась по-прежнему земной и гуманной: сначала человек, затем семья, потом общество. Он спасся сам, а за ним спаслись другие. Свой

путь на предпринимательском поприще он начал по Марксу «в рабочей спецовке»: объединил и капитализировал доходы родного чантийского тейпа, занимавшегося скотоводством и пряжей козьего пуха. Мне же пришлось оплакивать долю оставленной некогда малой родины – костромской деревушки Пилатово. Запоздалым было признание-откровение, выплеснувшееся в печальных стихах:

*Великое мое Пилатово —
Деревня в двадцать пять домов.
От поезда с разъезда пятого
Я вновь бежать к тебе готов,
Ущюять дух тепла коровьего,
Увидеть за рекою лес
И липы дедушки Зиновьева,
Что держат свод седых небес,
Как дедко Павел, глаз слезящийся,
В углу иконам бьет поклон.
Над образами нимб светящийся,
Но то не нимб, а шлемофон
Танкиста, заживо горевшего.
Прости, Архангел Михаил:
Твой лик на фото сына грешного
Старик в божнице заменил.
Какое вещее деяние
В крестьянской рубленой избе —
Земных, небесных сил слияние
В страданы, вере и мольбе.*

*О Русь моя! Тебя оплакивая,
В Москве, сквозь злато куполов
Я зрю великое Пилатово,
Святых и грешных земляков.
Пока вы были смерды, пахари,
Цвела страна моя, но вот
Не стало вас. Россия ахнула
И покачнулся небосвод.
А я, кого лишь ваша силушка,
Уже последняя, поди,
К верхам из грязи в князи вынесла,
Застыл, и боль горит в груди:
В деревне родной липы спилены.
Потомства не от кого ждать.
И кто ж теперь даст снова силы мне?
И мне свои кому отдать?*

Нет, что не говорите: водораздел эпох не через фундаментальные катаклизмы все же проходит, а через души людей – обычных, рядовых вершителей и жертв истории. Будем честны и признаем: есть в общих бедах и наша, быть может, невольная вина: колыбельную песню матери мы утопили в идеологических пасторалях. Стало быть, ждут нас, и поделом, на том свете наши покойные родители... с палкой. Таковую участь, напророчила, кстати, болгарская прорицательница Ванга создателю пронзительных «Журавлей» – Расулу Гамзатову. Одно утешенье, что побьют нас любящие руки.

Я видел праздник

Гордое мудрование с умствованиями, извлеченными из земной природы, восходят в душе, как туман с призраками слабого света; дайте туману сему упасть в долину смирения, тогда только вы можете увидеть над собой чистое высокое небо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.